

А.В. Ломанов

«Камень с чужой горы»: российское китаеведение в китайском зеркале

Аннотация. В статье проанализированы ключевые особенности современных китайских подходов к российскому китаеведению. Китайские исследователи придают большое значение выявлению общих неизменных характеристик российского изучения Китая за несколько столетий. В результате на первое место выходят руководящая роль государства в научных исследованиях, широкая проблематика и способность организации работы над крупными долгосрочными проектами, высокая степень зависимости от состояния межгосударственных отношений, акцент на «евразийском» характере научного поиска и его отличиях от европейского китаеведения. Большой интерес в Китае вызывает оценка влияния российских китаеведов на культурное взаимодействие двух стран и на процессы развития русской мысли в целом. Специфической особенностью китайских исследований выступает стремление выявить исторические периоды подъема в изучении Китая в России и ведущие фигуры, способные олицетворять эти периоды. Российских китаеведов хвалят за большой вклад в развитие дружбы и культурных обменов, уважение к китайской культуре и китайскому народу, стремление к проникновению в духовную традицию Китая через освоение текстов. Китайские авторы предполагают, что рост внимания российского китаеведения с начала 1990-х годов к новой тематике (политика и экономика КНР, традиционная китайская культура) был обусловлен реформами в обеих странах. Неоднократно была высказана гипотеза о том, что рост внимания российских китаеведов к этим проблемам обусловлен в том числе объективными запросами развития постсоветской России. Появились призывы использовать российское китаеведение как инструмент расширения китайского культурного влияния в России, поощряя участие ученых в процессах межгосударственной культурной коммуникации. В новом столетии китайские исследователи начали выражать тревогу по поводу неблагоприятных тенденций в российском китаеведении, угрожающих разрывом поколений исследователей и ослаблением преемственности. Китайские авторы уделяют большое внимание обсуждению современных фундаментальных публикаций российских китаеведов, одобренных для исследования и перевода в Китае. Предполагается, что ознакомление китайских научных кругов со взглядами российских ученых на историю и духовную культуру Китая будет способствовать углублению их понимания самими китайцами.

Ключевые слова: китаеведение, традиция, история, политика, взаимодействие культур, методология.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, д. и. н., профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН). ORCID 0000-0003-2676-4271. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Alexander V. Lomanov

**“A Stone from Someone Else’s Mountain”:
Russian Sinology in Chinese Mirror**

Abstract. The article analyzes the key features of modern Chinese interpretations of Russian Sinology. Chinese researchers attach great importance to identifying universal permanent characteristics of the Russian Sinology over several centuries. They concentrate on the leading role of the Russian state in China studies that cultivated a broad range of research topics and the ability to organize work on large-scale long-term projects, on the high degree of dependence of research on the situation in interstate relations, along with the emphasis on the “Eurasian” nature of studies and on the differences from European Sinology. Chinese scholars aim to assess the influence of Russian sinologists on the cultural interaction between the two countries and estimate their impact on the overall development of Russian thought. Here comes the specific task to identify the historical periods of growth in the China studies in Russia along with the leading academics who can personify these periods. Russian sinologists are praised for their great contribution to the development of friendship and cultural exchanges, their respect for Chinese culture and the Chinese people, and their intention to comprehend the spiritual tradition of China through the original texts. Chinese authors suggest that since the beginning of the 1990s, the growing attention of Russian Sinology to new topics (China’s politics and economy, traditional Chinese culture) was determined by reforms in both countries. They suppose that growing attention of Russian Sinologists to these problems was due to the objective demands of the development of post-Soviet Russia. There were calls to use Russian Sinology as a tool for expanding Chinese cultural influence in Russia by encouraging the participation of scholars in the processes of interstate cultural communication. In the new century, Chinese researchers have begun to express concern about unfavorable trends in Russian Sinology that threaten to break linkages among generations of researchers and weaken academic continuity. They pay significant attention to modern fundamental publications of Russian sinologists already approved for translation in China. It is assumed that the introduction of ideas of Russian Sinologists on the history and spiritual culture of China to Chinese academic circles will deepen their understanding by the Chinese side.

Keywords: sinology, tradition, history, politics, interaction of cultures, methodology.

Author: Lomanov Alexander V., Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, ICCA RAS. ORCID 0000-0003-2676-4271.
E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Образ «камня с чужой горы, которым можно полировать яшму» (他山之石, 可以攻玉) служит в китайской традиции указанием на необходимость изучать чужой опыт для совершенствования собственных навыков. Проявление подобного подхода можно найти в сфере китайских исследований российского Китаеведения. С опорой на публикации в научной периодике КНР в статье поставлена задача проанализировать ключевые аспекты китайских подходов к

российскому китаеведению, выявить основные акценты в интерпретации его прошлого и настоящего, показать их связь с политическими тенденциями и развитием межгосударственных отношений.

Исторические корни

Исследователи КНР уделяют большое внимание сквозному изучению истории российского китаеведения, стремясь выделить общие характеристики, относящиеся ко всем периодам его развития.

Лю Жомэй отмечает, что в современной России китаеведение стало междисциплинарным: оно охватывает различные направления исследований, включая историю, философию, язык, искусство и культуру. Она подчеркивает, что российское китаеведение появилось в прошлом по инициативе властей, что способствовало подъему этой отрасли знаний. И хотя намерения правителей царской России в отношении Китая могли быть недобрыми, российские китаеведы неизменно относились к изучаемой стране и ее традиционной культуре уважительно и доброжелательно. Признавая, что российское китаеведение может уступать французскому или немецкому по степени активности и уровню известности, с точки зрения полученных достижений Россию можно назвать «великой державой китаеведения» (汉学大国) [Liu Ruomei, 2003, p. 142].

Внешний фон европейской синологии присутствует в работах китайских авторов как точка отсчета, позволяющая выявить специфику российского китаеведения и его научных результатов. Попытки обратиться к истокам становления специфики российского китаеведения затрагивают проблемы принадлежности России цивилизациям Востока и Запада, воздействия на российскую интеллектуальную среду пришедшего из Франции увлечения китайской культурой [Zhang Xiping, 2011].

Авторитетный исследователь досоветского периода развития российского китаеведения Янь Годун указал на четыре его особенности — практичность (实用性), официальность (官方性), национальный характер (民族性) и обилие неизданных рукописей (手稿多). По мнению ученого, до революции 1917 г. «практичность» господствовала в российском востоковедении. Значительное влияние государства обеспечило поддержку развития китаеведения, но в некоторых случаях мешало китаеведам выражать свои мысли и искать новые темы [Yan Guodong, 2006, p. 79]. В первой половине XIX в. российское китаеведение обрело свою национальную специфику при постановке задач, в использовании исследовательских методов и подготовке кадров, его облик приобрел отличия от западноевропейской синологии. Негативной особенностью деятельности китаеведов в царской России, по мнению ученого, была трудность с публикацией научных работ, вследствие чего многие исследования оставались неизвестными на протяжении длительного времени.

Янь Годун отметил, что направление культурного «перетока» между Россией и Китаем изменилось в период «Движения 4 мая» 1919 г. — до этого исторического рубежа происходил «переток» китайской культуры в Россию,

а после него культура Советской России устремилась в Китай. Российские китаеведы были главными посредниками в распространении китайской культуры в России. Вместе с тем ученый призвал избегать преувеличения их влияния на культурное взаимодействие двух стран и на процессы развития русской мысли в целом. Тем более, по его мнению, не следует допускать ненаучный подход и объявлять всех русских китаеведов «царскими шпионами» [Yan Guodong, 2006, p. 80—81].

Патриарх китайских исследований русского китаеведения Ли Минбинь, обратившийся к изучению его истории с древности до наших дней, придает особое значение всплескам увлечения китайской культурой в России. По его мнению, таких волн было четыре. В Российской империи это были пришедшая из Европы мода на китайский стиль в начале XVIII в. и период освоения китайской классики во второй половине XIX века. В советский период подъемы были в 1950-х и 1980-х годах, они воплотились в широкомасштабные усилия по переводу китайской литературы и многообразные культурные обмены.

Ли Минбинь заявил, что российское китаеведение «энциклопедично», поскольку охватывает очень широкий круг исследовательских тем. На его современный облик наложила отпечаток академическая традиция, в рамках которой китаевед-практик имеет шанс обрести известность лишь занимаясь научной деятельностью, требующей самостоятельной работы с источниками, сбора материалов, длительных усилий в исследовательской сфере. В качестве примера китайский исследователь упомянул советского дипломата Н.Т. Федоренко, который в годы Войны сопротивления Японии во время работы во временной китайской столице Чунцине носил с собой в портфеле произведения китайской литературы и при первой возможности расспрашивал о них у китайских собеседников. Хотя в шутку его можно было назвать «китаеведом-любителем» («业余的”汉学家»), он заявил о себе как настоящий ученый и знаток литературы Китая.

Помимо этого, по мнению китайского исследователя, на всех этапах истории, от царской России до СССР и нынешнего постсоветского периода, российское китаеведение является «делом государства» (国家行为), работа ученых служит интересам страны и отражает приоритеты власти [Li Mingbin, 2017]. Отношение государства к китаеведению как национальному приоритету способствовало успешному развитию этой отрасли знания в России благодаря целенаправленной работе по финансовой поддержке исследований и подготовке кадров. Китайские авторы полагают, что постановка государственных целей сделала российское китаеведение всеобъемлющим и охватывающим широкий спектр проблем. Возможность слаженной работы больших научных коллективов из разных организаций позволяет создавать авторитетные фундаментальные труды энциклопедического типа. Предполагается, что именно по этой причине российское китаеведение сохраняет конкурентоспособность и влияние в мировом научном сообществе [Ming Fei, 2009, p. 3].

Повторяя четыре характеристики российского китаеведения, которые сформулировал Янь Годун, китайские авторы ставят сложный вопрос оценки исследовательской работы в период советско-китайского раскола. Они утвер-

ждают, что в те годы подчинение политике и идеологии советских властей заставило часть российских ученых «поступить против совести» (违背良心), выступая с пристрастной критикой Китая и нападками на Китай. Предполагается, что желавшие избежать этой участи ученые сменили тему и занялись изучением Новой истории Китая. В любом случае, уверяют китайские исследователи, китаеведение в СССР тогда снизило свой научный уровень и даже «ранило чувства народов двух стран» (伤害了两国人民的情感) [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 119].

Подобные заявления носят дискуссионный характер и могут породить немало встречных вопросов. В частности, возникает симметричная проблема оценки огромного пласта китайской литературы тех лет, написанной с анти-советских и даже отчасти русофобских позиций. Поэтому нам следует помнить, что утвердившаяся в Китае трактовка российского китаеведения как «государственного дела» неизбежно привносит в интерпретацию научных исследований факторы былых разногласий между двумя государствами.

В китайских публикациях можно найти разные оценки российского китаеведения царского и советского периода. Одна из точек зрения подчеркивает негативное влияние господствовавших в Российской империи европоцентристских взглядов на формирование сильного общественного предубеждения против Китая. Акцент на связи китаеведных исследований в России XX в. с наследием предшествующих столетий не исключает признания роста внимания советских властей к изучению Китая в 1960-е в период ухудшения двусторонних отношений. Предполагается, что именно тогда возрос интерес к общественному строю Китая, истории отношений двух стран. С появлением в 1966 г. ИДВ АН СССР была сформирована модель двух исследовательских центров, в рамках которой в Москве занимались современным Китаем, а в Ленинграде — традиционным Китаем [Ren Li, Liao Qifa, 2010, p. 130].

Поворот к современным проблемам

Китайские исследователи характеризуют ИДВ как «правительственный аналитический центр» (政府的智库), основной функцией которого является консультирование властей по вопросам политики [Ren Li, Liao Qifa, 2010, p. 130]. Они оценивают институт как одну из наиболее авторитетных структур в России по изучению проблем Китая, «утвержденную правительством аналитическую структуру для разработки политики в отношении Китая» (政府制定对华政策的智囊机构), что требует обязательно принимать во внимание разработки ИДВ при исследовании современного российского китаеведения [Liang Yi, 2009].

Цзян Хунвэй (Сычуаньский институт иностранных языков) указал на значительное развитие российских исследований политики Китая начиная с 1990-х годов. По его мнению, до этого периода данной тематике в СССР уделяли недостаточно внимания, исследованиям недоставало глубины, они испытывали на себе влияние политики и идеологии. Стимулом для перемен стали крупномасштабные преобразования политики, экономики и общества в

России и Китае. Среди внутрироссийских позитивных факторов исследователь выделил деидеологизацию научных исследований, рост запроса на исследования политической трансформации, рассекречивание исторических архивов. Внешнее влияние оказали быстрое развитие связей России и Китая, успешное продвижение китайских реформ. В поле внимания российских ученых вошли вопросы теории и практики социализма с китайской спецификой, китаизации марксизма, политической системы КНР, национальной и социальной политики китайского руководства.

Китайский автор отметил, что российские исследователи китайской политики сосредоточены в ИДВ. Он указал, что в истории российского китаеведения эта сфера не была традиционной, она не относится к числу преимущественных областей (优势领域). По его мнению, становление исследований политики Китая началось с момента создания ИДВ, однако в советские времена поиски в этой сфере носили ограниченный характер. Примечательно суждение о том, что сосредоточение профильных исследований в ИДВ, являющемся «правительственным аналитическим центром» (政府智库), обеспечивает позитивное отношение к Китаю со стороны основного течения российских академических кругов. Вместе с тем китайский ученый охарактеризовал исследователей китайской политики как «старое наследие» (“遗老”) ИДВ советского времени, предупредив, что нехватка кадров и старение способны породить разрыв поколений, неблагоприятный для продолжения научной деятельности [Jiang Hongwei, 2010, p. 48].

Сходный подход был использован при анализе российских исследований китайской экономики. Цзян Хунвэй предположил, что эта сфера также не относится к преимуществам российского китаеведения, однако и в ней наблюдается заметный подъем. Он отметил, что после создания ИДВ ученые начали заниматься общими теоретическими проблемами экономики КНР, вопросами бюджета и финансов, промышленности, экономической истории, бизнеса и торгово-экономических отношений [Jiang Hongwei, 2011, p. 73]. В новом столетии к прежним темам реформы экономической системы, госпредприятий и стратегии экономического развития КНР добавились вопросы «научного взгляда на развитие», инвестиций, укрупнения и усиления предприятий, формирования инновационной системы, гармоничного развития экономики, общества и окружающей среды.

Был сделан вывод, что и в этой области господствующий подход российских научных кругов является позитивным, разве что лишь «некоторые ученые в дальневосточном регионе расходятся с господствующей точкой зрения и сомневаются в экономическом подъеме Китая» [Jiang Hongwei, 2011, p. 81]. В отличие от исследований политики Китая, хотя многие исследователи сосредоточены в ИДВ, китайской экономикой занимаются и в других организациях, помимо ветеранов советской эпохи в этой сфере присутствуют молодые ученые.

Отмечая позитивное развитие сотрудничества двух стран, в середине прошлого десятилетия китайские исследователи все чаще выражали тревогу по поводу перспектив российского китаеведения. Янь Годун выделил три основные проблемы — старение кадров, негибкую и неэффективную систему

управления научными исследованиями, острую нехватку государственного финансирования. Он указал, что российское Китаеведение начало страдать от утечки кадров, старения рядов и роста разрыва между поколениями. Это привело к замедлению исследовательской работы и поставило под угрозу ее качество [Yan Guodong, 2015]¹.

Вне зависимости от уровня встревоженности негативными процессами в развитии российского Китаеведения, китайские авторы дружно указывали на воздействие социально-экономических трансформационных процессов на содержание и направление исследований. Российско-китайское стратегическое партнерство вошло в период стабильного развития, тем временем геополитические структурные противоречия в отношениях России и Запада становились все более заметными. В этих условиях китайские авторы все более уверенно говорили о российских исследованиях Китая, его политического процесса и экономических реформ, как о факторе влияния на политику и общество в России, способствующем дальнейшему сближению между двумя странами. Было высказано предположение, что отсутствие на протяжении двух десятилетий в российско-китайском сотрудничестве крупных подъемов и спадов, подобных тем, что происходили в китайско-американских отношениях, обусловлено в том числе российскими исследованиями Китая и российско-китайских отношений в контексте геополитики и глобальной стратегии с использованием собственных материалов, методов и ценностных подходов [Lin Jinghua, 2014, p. 82].

В этом контексте продемонстрированные учеными ИДВ РАН в постсоветский период успехи в изучении традиционной китайской культуры становятся частью крупномасштабной концепции динамики взаимодействия России и Китая. Лю Жомэй полагает, что проникновение китайской культуры оказывало влияние на идейные процессы внутри России начиная с XIX века. Рост внимания российских исследователей к китайской мысли предстает как непрерывный процесс, получивший значительный импульс после распада СССР [Liu Ruomei, 2010].

Изучение культуры и проблемы диалога

Отрадное признание китайскими коллегами позитивного вклада современного российского Китаеведения в развитие межгосударственных отношений сопровождалось появлением рассуждений о возможностях его инструментализации в интересах расширения китайского культурного влияния в России. Китайские авторы исходили из того, что ради укрепления взаимопонимания следует активнее пропагандировать в России китайскую культуру, подключая к этой работе занимающихся ее исследованиями Китаеведов. В новый период развития российское Китаеведение демонстрирует большие успе-

---

¹ Основные положения китайской статьи и размышления по ее поводу можно найти в блоге Китаеведа Сергея Филонова. URL: <https://jinshu.amursu.ru/index.php/170-opinion-of-the-chinese-experts-dr-yan-guo-dong-the-crisis-of-russian-sinology-kitajskij-spetsialist-o-krizise-v-rossijskom-kitaevedenii>

хи в исследовании традиционной китайской культуры, в центре которой находится конфуцианство, благодаря этому ученые уже стали частью процесса межгосударственной культурной коммуникации. При этом имеющийся потенциал российского Китаеведения способен предоставить благоприятные условия для расширения деятельности в России Институтов Конфуция [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 120].

Среди особенностей российского Китаеведения в новом столетии китайские авторы выделяли поиск в наследии китайской культуры глубинных причин успеха политических и экономических реформ в КНР, обеспокоенность расширением влияния «народного Китаеведения», стимулирующее воздействие роста популярности изучения китайского языка на усилия по созданию современных учебников и обучающих курсов [Ma Chongyu, 2008]. В этом контексте китайские эксперты встали на сторону возникшего в России в постсоветский период активного, но непрофессионального «народного Китаеведения» (民间汉学), заполнившего лакуны научного знания и нашедшего возможность донести упрощенные знания о китайской истории и культуре до массового потребителя. Они предположили, что «народное Китаеведение» будет увеличивать рост понимания Китая в России, устранять фобии россиян в отношении китайцев, создавать дополнительные каналы межкультурного общения [Lei Liping, Li Bo, 2011, p. 121].

В русле этих рассуждений была выдвинута рекомендация использовать рост интереса к изучению китайского языка и китайской культуры в России для того, чтобы продвигать внутри российского общества китайские подходы. Взаимодействие с российским Китаеведным сообществом должно было облегчить задачу передачи информации, создать площадку для обменов, способствовать интернационализации и модернизации академических исследований.

В первое десятилетие нашего века китайские исследователи исходили из того, что рост внимания российских Китаеведов обусловлен не только и не столько научным интересом, сколько объективными потребностями развития общества и государства в России.

В Китае отмечали, что после распада СССР была разрушена идеология общества, ценности и нормы были размыты. Стремление России к возрождению в статусе великой державы требовало найти новые духовные основы для сплочения общества с использованием для этого всех доступных идейных и культурных ресурсов, включая наследие китайской цивилизации. Несмотря на давнюю и глубокую связь культур России и Запада, российские мыслители не могли игнорировать углубляющийся кризис западной культуры в условиях глобализации — включая погоню людей за материальными благами и наслаждениями, утрату религиозности и нравственной целостности, утрату ответственности перед обществом и моральных стандартов. Поскольку западная культура более не может служить знаменем национального возрождения России, культурная элита начинает все активнее интересоваться китайской философией, подчеркивающей этический дух и несущей в себе нравственную силу для обновления человеческого духа. Было высказано предположение, что негативные последствия попытки вестернизации России в 1990-е годы повы-

шают интерес российских элит к успешному опыту китайских реформ и, как следствие, к китайским ценностям и китайской традиционной философии, сыгравшим важную позитивную роль в модернизации Китая [Zhu Daqiu, 2005, pp. 62—63].

Китайские исследователи брали российское китаеведение и востоковедение в целом в качестве платформы для нынешнего и будущего распространения влияния в России конфуцианских идей. Исходными предпосылками становились тезисы о росте международного влияния китайского дискурса и важности поставленной властями Китая задачи построения «сообщества судьбы человечества» с опорой на ресурсы «мягкой силы» китайской культуры. Важную роль в продвижении строительства «сообщества судьбы» призвана сыграть конфуцианская культура, что требует активизации усилий по ее распространению во внешнем мире, включая Россию. Исторический и лингвистический анализ российских понятий о «востоковедении», «китаеведении» и «конфуцианстве» привел к неожиданному выводу о том, что «китайские исторические и культурные традиции уже интегрированы в современное экономическое развитие России», при этом важной задачей изучения конфуцианства в современной России становится углубление понимания конфуцианской культуры и раскрытие глубинного смысла конфуцианской идеи «гармонии в многообразии» (和而不同). Было заявлено, что это поможет создать прочную основу для конструктивного диалога цивилизаций между Китаем и Россией, а также для дальнейшего развития конфуцианства в современной России [Li Li, 2018, p. 16].

Эти рассуждения могут показаться оторванными от реального положения дел в российском китаеведении. Интерес к изучению конфуцианства стал в России давней научной традицией. Однако публикация качественных исследований и переводов не может служить подтверждением глубокого проникновения древнекитайской мысли в умы российской элиты и широких слоев общества. Тем временем с китайской стороны запрос на продвижение национальной традиции во внешний мир порождает завышенные ожидания и чрезмерный оптимизм в оценках перспектив этого проекта.

По мере углубления российско-китайского взаимодействия тональность китайских публикаций о российском китаеведении изменялась. Предпосылка кризиса российской духовной культуры, нуждающейся в срочном освоения китайской мудрости для преодоления последствий неудачных реформ первого постсоветского десятилетия, потеряла былую остроту и актуальность.

Привязка к политической актуальности сохраняется, но ее дополняет трактовка российского китаеведения с помощью популярных в современном Китае концепций межкультурного взаимодействия. Свежая статья об «исторической ценности и современном значении российского китаеведения для китайско-российских культурных обменов» [Li Zhe, 2022] начинается с упоминания о встрече Владимира Путина и Си Цзиньпина в июне 2021 г. и решении продлить Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Далее следует тезис о том, что за три столетия российские китаеведы внесли большой вклад в развитие дружбы и культурных обменов — ведь они неустанно исследовали китайскую традиционную культуру, распростра-

няли полученные знания, помогали российскому народу углубить понимание Китая [Li Zhe, 2022, p. 77].

Среди отличительных особенностей российского китаеведения на первом месте обозначено стремление найти источник и постичь «духовный код» китайской цивилизации через освоение философской и гуманитарной классики. Российская научная традиция обращает особое внимание на точность перевода, стремится на основании текста понять «культурную систему» (文化脉络) китайской цивилизации. Третья характеристика — склонность к вращению в жизнь Китая, желание правдиво и объективно передать оригинальный вид и облик (原景原貌) китайской культуры [Li Zhe, 2022, p. 77].

В этом описании российского китаеведения присутствуют упоминания о способности видеть «прекрасное у других» (美人之美), признавая общность достоинств разных цивилизаций (美美与共). Таким образом исследователи способствовали взаимному познанию и учебе двух культур, их будущему развитию и совершенствованию. Указано, что российское китаеведение укрепило гуманитарную основу всестороннего стратегического сотрудничества двух стран и реализовало основанное на взаимном признании и уважении культур гармоничное «Великое единение» (大同), которое превосходит границы стран и этносов [Li Zhe, 2022, p. 78].

Следует пояснить, что в позитивную оценку российского китаеведения была интегрирована формулировка выдающегося китайского этнографа Фэй Сяотуна, который на склоне лет увлекся проблемой взаимодействия культур. Ему принадлежит фраза «Каждый радуется собственным достоинствам, видит достоинства других, когда происходит объединение достоинств, приходит Великое единение Поднебесной» (各美其美, 美人之美, 美美与共, 天下大同)¹. Предполагается, что российские ученые следуют этому завету и вносят вклад в признание достоинств китайской цивилизации, способствуя тем самым приближению идеального мира гармонии цивилизаций.

«Камни» для китайской «яшмы»

Китайские авторы уделяют большое внимание обсуждению конкретных достижений и фундаментальных публикаций российских китаеведов. Они отмечают, что Энциклопедия «Духовная культура Китая» в шести томах вобрала в себя достижения предыдущих столетий развития российского китаеведения, включая наследие Бичурина и Алексеева. Особенностями энциклопедии стали восприятие китайской культуры как неотъемлемой части духовного богатства человечества, стремление показать российскому читателю многогранный уникальный облик китайской культуры, представить самостоятельно разработанный подход к китайскому наследию, способный обеспечить прочную основу для диалога между культурами [Liu Ruomei, 2009].

В китайских публикациях прозвучал тезис о том, что созданная в России «Энциклопедия» основана на признании способности китайской культуры

---

¹ О трактовке этой фразы в контексте современной китайской политики см. http://keywords.china.org.cn/2022-10/13/content_78464111.html

адаптироваться к требованиям современности. По мнению Лю Ядина, эта фундаментальная работа стала позитивным откликом на возрождение китайской культуры, она наследует традиционное для российского китаеведения сочетание изучения китайской духовной культуры с постижением национальной специфики. Он отметил, что «Энциклопедия» имеет собственную идейную окраску и пропагандирует «новое евразийство». Речь идет о том, что Россия географически и культурно расположена в Европе и Азии, поэтому она может впитать преимущества европейской и азиатской культур, формируя новое культурное пространство.

В частности, Лю Ядин отметил, что первый том «Философия» вышел за рамки старого советского подхода к философскому наследию Китая, уровень проведенного исследования высок и книга может послужить ориентиром для китайских ученых [Liu Yading, 2013b]. По его мнению, ознакомление китайских научных кругов со взглядами российских ученых на духовную культуру Китая способно сыграть роль того самого «камня с чужой горы», пригодного для полировки собственной яшмы — то есть углубления понимания китайской культуры самими китайцами. Для китайских научных кругов книга становится дополнительным источником уверенности в пути развития Китая. Причина в том, что именно успехи китайской политики реформ и открытости побудили российских ученых заняться прояснением внутренней взаимосвязи между современными достижениями КНР и тысячелетней историей китайской цивилизации.

Вместе с тем Лю Ядин с озабоченностью отметил, что «Энциклопедию» следует особенно ценить, поскольку ее изданием «старшее поколение китаеведов поставило достойную точку» (老一代汉学家划下的一个比较完满的句号). По его мнению, современная динамика развития российского китаеведения следует общему течению, в котором академическое сообщество уделяет все больше внимания анализу текущей ситуации и разработке встречных мер (对策的研究). [Liu Yading, 2016, p. 65].

В одной из публикаций Лю Ядин упомянул, что ученые Сычуаньского университета еще в 2010 г. обратили внимание на «Энциклопедию». В 2012 г. они заключили договор с ИДВ РАН на перевод шести томов издания при поддержке финансирования по конкурсу Национального фонда общественных наук. В марте 2013 г. «Энциклопедия» стала темой общения Си Цзиньпина с российскими китаеведами в Москве¹ [Liu Yading, 2013a, p. 67]. Он заметил, что «Энциклопедия» пронизана собственными взглядами и ценностными подходами российских ученых, они присутствуют в изложенных в книге подходах к китайской культуре, и это требует при подготовке перевода добиться не только изложения текста, но и культурного понимания оригинала.

Новым проектом, способным сблизить научные сообщества двух стран, стал план перевода в Китае десятитомной «Истории Китая». Янь Годун отметил, что эта работа привлекла наибольшее количество авторов и отличается самым всесторонним и систематизированным изложением китайской исто-

---

¹ См. полный текст сообщения агентства «Синьхуа» об этом событии. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0325/c70731-20897356.html>

рии со времени зарождения российского китаеведения. Книга вобрала в себя научные достижения прошлого, она воплотила традиции и особенности российского китаеведения. Китайский исследователь поставил эту книгу в один ряд с Кембриджской и Гарвардской историями Китая. В 2018 г. китайский Национальный фонд общественных наук утвердил проект перевода и исследования подготовленной российскими учеными «Истории Китая», а в апреле 2019 г. в Нанькайском университете состоялось первое обсуждение работы над проектом с привлечением российских и китайских экспертов [Yan Guodong, 2019].

Китайский подход: специфика и затруднения

Китайские исследователи признают, что изучение российского китаеведения в КНР сталкивается с проблемами. Число исследователей невелико, а подготовка кадров проходит недостаточно интенсивно, хотя без знания русского языка, понимания китайской и зарубежной культуры серьезно заниматься этой темой невозможно. Китайские ученые добились успехов в освоении общей истории российского китаеведения и распространения в России китайской литературы, тем временем недостает углубления в российские исследования китайской философии, религии, искусства, истории, языка. Еще одна трудность обусловлена недостатком материалов, вызванным ограниченностью закупки научной литературы на русском языке провинциальными и университетскими библиотекам [Yan Guodong, 2004, pp. 13—14].

Влиятельная школа исследований российского китаеведения сформировалась в Пекинском университете, ее главными представителями выступают профессор Ли Минбинь и сотрудник университетского издательства Чжан Бин [Sun Yuhua, Xiu Yun, 2018]. Их объединяет богатый опыт изучения русской литературы, позволяющий тонко чувствовать оттенки научного текста и улавливать его скрытые смыслы. Среди научных публикаций Чжан Бин следует указать на опыт исследования и сопоставления различных российских подходов к составлению истории российского китаеведения [Zhang Bing, 2017].

Ли Минбинь связывает китайское увлечение исследованиями зарубежного китаеведения с тем, что академическое сообщество стало более рациональным и начало возвращаться на собственную почву, потому что «лишь когда есть национальное, может быть мировое». Вместе с тем он призвал трезво оценивать достигнутые в этой сфере успехи, призывая учиться у российских китаеведов способности четко планировать исследования, избегать ненужного дублирования, объединять усилия ради крупных проектов наподобие «Духовной культуры Китая». Он предостерег от слепого следования российским исследованиям по истории китаеведения, указав на необходимость дополнять их самостоятельным сбором и осмыслением материала [Ye Qisong, Cheng Luchen, 2021, p. 62].

Среди китайских публикаций можно встретить небольшие и не слишком глубокие работы о российском китаеведении, которые, тем не менее, пред-

ставляют интерес для формирования широкого восприятия проблемы. Однажды на эту тему выступили сотрудники базирующейся в Шэньяне компании гражданской авиации, упомянувшие в своей статье о деятельности уже позабытой многими в своем отечестве Российской ассоциации китаеведения, пожелав ей дальнейших успехов. При этом вполне здравыми предстают их рассуждения о том, что к важнейшим направлениям российского китаеведения традиционно относятся история и перспективы развития российско-китайских отношений, а российские исследователи создали собственный подход к изучению обычаев и традиций Китая, основанный на сочетании политической культуры, национальных традиций, идеологических и общественных течений [Guo Lishu, Xu Ning, 2007].

В другой публикации сопоставимого объема и качества можно неожиданно обнаружить краткое упоминание о взглядах на историю древнекитайской мысли В.А. Рубина, его симпатиях к гуманистической традиции конфуцианства, противопоставленной подчиненным задачам государственного управления легизму. В небольшой фрагмент уместилась информация о критике позиции Рубина в СССР, его эмиграции в Израиль, исследованиях конфуцианских представлений о моральной независимости и ответственности человека, поисках обоснования взаимосвязи китайской и мировой философии [Zhao Jing, Wang Dan, 2019, p. 162].

Китайские исследователи стремятся структурировать историю российского китаеведения вокруг лидеров. Н.Я. Бичурин, В.П. Васильев и В.М. Алексеев олицетворяют три периода в его развитии. Четвертый период в конце XX в. оказался настолько активным и плодотворным, что его возглавили сразу три академика — С.Л. Тихвинский, В.С. Мясников и М.Л. Титаренко [Ming Fei, 2009, p. 2]. В некоторых случаях критерии отбора ключевых представителей российского китаеведения представляются не вполне ясными. В частности, это относится к перечислению имен Н.Т. Федоренко (исследования китайской литературы), С.Л. Тихвинского (исследования Новой истории Китая), В.Ф. Сорокина (исследования китайского языка и литературы), Б.Л. Рифтина (исследования китайской литературы — порядок упоминания следует китайскому тексту) [Cao Jingwen, 2007, pp. 140—141].

При этом в иных случаях китайские авторы способны обогатить наше понимание истории отечественного китаеведения и вклада в его развитие ученых, творческое наследие которых еще не стало в России предметом глубокого осмысления. Можно упомянуть статью о вкладе в науку А.Е. Лукьянова, в которой тот охарактеризован не только как переводчик древних текстов и пропагандист китайской культуры, но и как автор собственной трактовки китайской традиции, опиравшейся на понятия о «дао», «архетипе» и «глаголе» [Li Zhiqiang, Tian Xiaoquan, 2021]. Не менее интересен опыт истолкования подхода Л.С. Переломова к толкованию «Лунь юй» через выделение дополняющих друг друга стратегий — «возвращения к историческому контексту изучаемого текста» и «деконструкции терминов конфуцианской культуры» [Xu Yan, 2022].

Китайские исследования российского китаеведения — это лишь небольшая часть крупномасштабного изучения зарубежного китаеведения в КНР.

Стремление побольше узнать о том, как иностранные ученые смотрят на современный Китай, и как их предшественники относились к нему в прошлом, питает интерес к этой исследовательской теме.

Занимающиеся российским Китаеведением китайские ученые немногочисленны. Их статус в научной иерархии неизменно уступал коллегам, исследующим европейскую и американскую синологию. Сделанный ими выбор заслуживает уважения, а их научный поиск — активной и заинтересованной поддержки.

Публикации китайских авторов отчасти уже стали частью истории российского Китаеведения, будь то исследования научных концепций отдельных ученых или характеристики общего положения дел в научной сфере [см. напр.: Yu Wenlan 2003a, Yu Wenlan 2003 b]. Ведущие китайские эксперты накопили за десятилетия богатейший опыт общения с российскими исследователями. Их знания и воспоминания делают их полноправными соучастниками процесса создания истории российского Китаеведения.

Образ «камня с чужой горы» был использован китайскими исследователями как аргумент в пользу углубленного постижения успехов российских Китаеведов. Однако для российского Китаеведения столь же важным и бесценным становится китайское «зеркало». Увидев в нем свое отражение, мы можем лучше понять свои достоинства и недостатки, оценить былые успехи и неудачи, не совершить ошибку при выборе пути в будущее.

References

Cao, Jingwen 曹景文 (2007). Zhongguoxue zai Eguo 中国学在俄国 [Chinese studies in Russia]. Yanshan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 3: 137—141.

Guo, Lishu; Xu, Ning 郭丽姝, 徐宁 (2007). Eluosi hanxue yanjiu de lishi he xianzhuang sumiao 俄罗斯汉学研究的历史和现状素描 [Sketch of the history and current situation of sinology studies in Russia]. Qiqihaer daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 2: 149—150.

Jiang, Hongwei 江宏伟 (2010). 20 shiji 90 niandai yilai Eluosi de Zhongguo zhangzhi yanjiu gaishu 20世纪90年代以来俄罗斯的中国政治研究概述 [An overview of Russian studies on Chinese politics since the 1990s]. Guowai shehui kexue, 4: 40—48.

Jiang, Hongwei 江宏伟 (2011). 1990~2010 Eluosi de Zhongguo jingji yanjiu 1990~2010年俄罗斯的中国经济研究 [1990—2010 Russian studies in Chinese economy]. Guowai shehui kexue, 4: 73—81.

Lei, Liping 雷丽平; Li, Bo, 李渤 (2011). Eluosi hanxue de fazhan yanbian ji qi xianshi yiyi 俄罗斯汉学的发展演变及其现实意义 [The development evolution of Russian sinology and its practical significance]. Dong Bei Ya luntan, 4: 112—122.

Li, Li 李丽 (2018). Cong “dongfangxue” “hanxue” “ruxue” gainian de shanbian kan ruxue zai Eluosi de chuanbo 从“东方学”“汉学”“儒学”概念的嬗变看儒学在俄罗斯的传播 [Viewing the spread of Confucianism in Russia from the evolution of the concepts of “Orientalism”, “Sinology” and “Confucianism”]. Jining xueyuan xuebao. 1: 13—16.

Li, Mingbin 李明滨 (2017). Zou jin Eluosi hanxue yanjiu zhi men 走进俄罗斯汉学研究之门 [Entering the door of research in Russian sinology]. Guoji hanxue, 1: 5—11. DOI: 10.19326/j.cnki.2095-9257.2017.01.001.

Li, Zhe 李哲 (2022). Eluosi hanxue zai Zhong E wenhua jiaoliu zhong de lishi jiazhi he xianshi yiyi — Eluosi dang'an guan guancang Zhongguo wenhua dianji yiben wenxian guankui 俄罗斯汉学在中俄文化交流中的历史价值和现实意义—俄罗斯档案馆馆藏中国文化典籍译本文献管窥 [The historical value and practical significance of Russian sinology in Sino-Russian cultural exchanges — A look at the translations of Chinese cultural classics collected in Russian archives]. Zhongguo dang'an, 1: 76—78.

Li, Zhiqiang 李志强; Tian, Xiaoquan, 田小倩 (2021). Hongdao yi yan xiu shen yi ren — A. Lujiyangnuofu de hanxue xueshu sixiang 弘道以言 修身以仁 — A.卢基扬诺夫的汉学学术思想 [Promoting the Way with word and cultivating the person with benevolence — A. Lukanov's sinology academic thought]. Eluosi wenyi, 4: 10—16. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2021.04.002.

Liang, Yi 梁怡 (2009). 俄罗斯科学院远东所与中国问题研究 Eluosi kexueyuan Yuandongsuo yu Zhongguo wenti yanjiu [Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of sciences and research in China problems]. Beijing lianhe daxue xuebao: renwen shehui kexue ban, 1: 123—126.

Lin, Jinghua 林精华 (2014). Eluosi hanxue jie shiye zhong de dangdai Zhongguo zhengzhi jin Cheng he jingji gaige 俄罗斯汉学界视野中的当代中国政治进程和经济改革 [Contemporary Chinese political process and economic reform from the perspective of Russian sinology]. Guowai shehui kexue, 2014: 75—82.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2003). 独树一帜的俄罗斯汉学 Du shu yi zhi de Eluosi hanxue [Unique Russian sinology]. Zhongguo wenhua yanjiu, 2: 135—142. DOI: 10.15990/j.cnki.cn11-3306/g2.2003.02.015.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2009). Ping Eluosi kexueyuan Yuandongsuo “Zhongguo jingshen wenhua dadian” 评俄罗斯科学院远东所《中国精神文化大典》 [On the “Encyclopedia of Chinese spiritual culture by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of sciences]. Guowai shehui kexue, 4: 147—149.

Liu, Ruomei 柳若梅 (2010). Eluosi hanxue zhong de Zhongguo sixiang wenhua yanjiu 俄罗斯汉学中的中国思想文化研究 [Studies of Chinese thought and culture in Russian sinology]. Renwen congkan, 230—240.

Liu, Xiaoyun 刘晓云; Liang, Yi 梁怡 (2014). Eluosi dui Zhongguo wenti yanjiu redian jujiao 俄罗斯对中国问题研究热点聚焦 [Focus on hot topics in Russian research of China's problems]. Beijing lianhe daxue xuebao: renwen shehui kexue ban, 1: 74—78. DOI: 10.16255/j.cnki.11-5117c.2014.01.016.

Liu, Yading 刘亚丁 (2013a). Eluosi “Zhongguo jingshen wenhua dadian”: fanyi yu sikao 俄罗斯《中国精神文化大典》: 翻译与思考 [Russian “Encyclopedia of Chinese spiritual culture: translation and reflections]. Eluosi wenyu, 3: 67—70. DOI: 10.16238/j.cnki.rla.2013.03.022.

Liu, Yading 刘亚丁 (2013b). Tanjiu Zhongguo zhexue suyuan Huaxia xinzhì — Eluosi “Zhongguo jingshen wenming da dian zhexue juan” guankui. 探究中国哲学溯源华夏心智—俄罗斯《中国精神文化大典·哲学卷》管窥 [Exploring Chinese philosophy and tracing the origins of Chinese mind — Glance at Russian “Encyclopedia of Chinese spiritual culture Philosophy volume]. Gansu shehui kexue, 4: 137—139. DOI: 10.15891/j.cnki.cn62-1093/c.2013.04.028.

Liu, Yading 刘亚丁 (2016). Zhongguo chuantong wenhua de chuangzaoxing zhuanhuan: Eluosi “Zhongguo jingshen wenhua dadian” 中国传统文化的创造性转换: 俄罗斯《中国精神文化大典》价值平议 [Creative transformation of Chinese traditional culture: A discussion on the value of Russian “Encyclopedia of Chinese spiritual culture”]. Sichuan daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 2: 59—67.

Ma, Chongyu 马冲宇 (2008). 新世纪俄罗斯汉学研究动向初探 Xin shiji Eluosi hanxue yanjiu dongxiang chutan [A preliminary study on the trends of Russian sinology research in the new century]. Hebei daxue xuebao: zhexue shehui kexue ban, 5: 37—42.

Ming, Fei 明非 (2009). 俄罗斯汉学史之我见 Eluosi hanxue shi zhi wo jian [My view on the history of sinology in Russia]. Guoji hanxue, 1: 1—4.

Ren, Li; Liao, Qifa 任莉, 廖其发 (2010). 20世纪俄苏中国学研究综述 20 shiji E Su Zhongguoxue yanjiu zongshu [A summary of Russian and Soviet Chinese studies in the 20th Century]. Chongqing ligong daxue xuebao: shehui kexue, 6: 128—132.

Sun, Yuhua; Xiu, Yun 孙玉华, 秀云 (2018). Zhongguo Eluosi hanxuejia yanjiu xianzhuang zongshu 中国俄罗斯汉学家研究现状综述 [Summary of the current situation in research on Russian sinologists in China]. Dongbei Ya waiyu yanjiu, 6: 84—89. DOI: 10.16838/j.cnki.21-1587/h.2018.04.015.

Xu, Yan 许雁 (2022). Eluosi hanxuejie de “Lunyu” “xinjie” — lun Eluosi hanxuejia Beiliuomofu de “Lunyu” jiedu celue 俄罗斯汉学界的《论语》“新解” — 论俄罗斯汉学家贝列罗莫夫的《论语》解读策略 [“New Interpretation” of “The Analects” in Russian sinology — On the interpretation strategy of “The Analects” by Russian sinologist Perelomov]. Ou Ya renwen yanjiu, 3: 68—77.

Yan, Guodong 阎国栋 (2004). Woguo Eluosi hanxue yanjiu de lishi yu xianzhuang 我国俄罗斯汉学研究的历史与现状 [The history and present situation of Russian sinology studies in China]. Guoji hanxue, 2: 4—15.

Yan, Guodong 阎国栋 (2006). Eguo hanxue ruogan wenti chuyi 俄国汉学若干问题刍议 [Debating some issues of Russian sinology]. Nankai xuebao: zhexue shehui kexue, 4: 74—81.

Yan, Guodong 阎国栋 (2015). Eluosi hanxue de weiji 俄罗斯汉学的危机 [Crisis of Russian sinology]. Guowai shehui kexue, 6: 68—73.

Yan, Guodong 阎国栋 (2019). Eluosi “Kexue sheban” shi jian ben “Zhongguo tongshi” jie ping 俄罗斯“科学社版”十卷本《中国通史》介评 [Introduction and assessment of “History of China” by the Russian “Nauka Publishers”]. Zhongguo shi yanjiu dongtai, 5: 75—81.

Ye, Qisong; Cheng, Luchen 叶其松, 程露晨 (2021). Zhong E wenhua jiaoliu yu Eluosi hanxue — Beijing daxue Li Mingbin jiaoshou fangtan lu 中俄文化交流与俄罗斯汉学 — 北京大学李明滨教授访谈录 [Sino-Russian cultural exchange and Russian sinology — Interview with professor Li Mingbin of Peking University]. Guoji hanxue, 4: 57—62. DOI: 10.19326/j.cnki.2095-9257.2021.04.007.

Yu, Wenlan 于文兰 (2003a). Eluosi Zhongguo xue yanjiu jigou — kexueyuan xitong 俄罗斯中国学研究机构—科学院系统 [Russian China studies research institution — Academy of Sciences system]. Guowai shehui kexue, 3: 71—76.

Yu, Wenlan 于文兰 (2003b). Eluosi Zhongguo xue yanjiu jigou — gaoxiao and tu bo xitong 俄罗斯中国学研究机构 — 高校和图博系统 [Russian China studies research institution — Higher education, and library and museum system]. Guowai shehui kexue, 4: 69—73.

Zhao, Jing; Wang, Dan 赵静, 王丹 (2019). Eluosi “Zhongguo xue” de xianxue — ruxue wenhua zai Eluosi de chuanbo 俄罗斯“中国学”的显学—儒家文化在俄罗斯的传播 [Prominent learning of Russian “China Studies” — The spread of Confucian culture in Russia]. Wenhua chuanguangxin bijiao yanjiu, 11: 161—162.

Zhang, Bing 张冰 (2017). Lishi shu xie zhong de Eluosi hanxue 历史书写中的俄罗斯汉学 [Russian sinology in historical writings]. Zhongguo e yu jiaoxue, 2: 77—81.

Zhang, Xiping 张西平 (2011). Eluosi hanxue niaokan 俄罗斯汉学鸟瞰 [Overview of Russian sinology]. Zhongguo tushu pinglun, 8: 106—114.

Zhu, Daqiu 朱达秋 (2005). Zhongguo zhexue zai Eluosi — 20 shiji 90 niandai Eluosi de Zhongguo zhexue yanjiu 中国哲学在俄罗斯—20世纪90年代俄罗斯的中国哲学研究 [Chinese philosophy in Russia — Research on Chinese philosophy in Russia in the 1990s]. Zhexue dongtai, 3: 62—67, 73.